

Н.А.Дмитриева

Русский «неокантианец» в коммуникативном пространстве Серебряного века

В интеллектуальной истории «серебряного века» всегда поражает разнообразие и разнонаправленность его идейных течений. Сложное сплетение и отчасти синкретизм существовавших социокультурных интенций приводят к тому, что каждая вновь предпринятая попытка дескрипции этого культурного феномена предлагает не просто другой исторический ракурс, но чревата открытиями новых пространств и перспектив, способных модифицировать привычный образ эпохи. Это утверждение особенно справедливо в отношении современной исследовательской работы по реконструкции исторического ландшафта философского знания первой четверти XX века в России.

В широком идейном спектре российского философствования начала прошлого века неокантианство, направленное на защиту традиции рационализма и философского критицизма, с большим трудом пробило себе дорогу в российское научное сообщество. Общий критический настрой русского интеллектуала представлял собой скорее экзистенциальный протест в отношении к царской власти и к церковно-православным догмам, чем концептуально фундированную *философскую* позицию. Критикуя и пересматривая принципы церковности, мно-

гие российские мыслители рационалистически обоснованному отказу от этих принципов предпочли строительство еще одного «воздушного замка» над устаревшей конструкцией из христианских мифов.

Рецепция неокантианских идей в России состоялась во многом благодаря личным усилиям некоторых – немногих – молодых русских философов, воодушевленных кантовской просветительской идеей и видевших свое призвание в развитии и пропаганде учения, которое бы «не разделяло ленивой рутины всевозможных „измов“» (Б.Пастернак), но отличалось «единством тенденции, выдержанностью аргументов, ясностью принципов, определенностью защищаемого учения»¹.

Из двух неокантианских школ, русские ученики которых сохранили концептуальную идентичность с научной *alma mater*, марбургское неокантианство (его российское «издание») до сих пор остается на периферии современного историко-философского анализа. Между тем состоявшаяся в последние годы публикация архивов некоторых русских неокантианцев, близких марбургской школе², показывает насколько велика скрытая до поры часть этого интеллектуального айсберга. Контекстуализация этого философского течения в рамках «серебряного века», безусловно, должна идти путем открытия и изучения биографий и концепций всех его адептов (равно и противников), но для начала такой работы может быть достаточно одной – ключевой – фигуры, способной сыграть роль парадигмального примера. Такой фигурой и таким примером в истории российского неокантианства марбургской школы можно считать Бориса Александровича Фохта.

Имя Б.А. Фохта (1875–1946) стоит особняком в российской философии – и дореволюционного, и советского периода. В ряде публикаций³ и нескольких моих работах⁴ уже освещались перипетии неповторимой, удивительной судьбы этого замечательного философа, прекрасного педагога, тонкого интерпретатора и искусного переводчика... Однако до сих пор эта, на мой взгляд, знаковая для всей российской философии фигура и наследие мыслителя не получили в современных исследованиях должную оценку и признание, адекватное его уровню, масштабу и значимости в истории российской философской мысли. Решению – хотя бы приблизительному – этих задач может способствовать экспликация социокультурного контекста, в котором формировалась интеллектуаль-

ная биография и складывалось коммуникативное пространство русского неокантианца.

Кем был для современников Б.А.Фохт? Кто был вовлечен в поле его коммуникативного притяжения? Для ответа на эти и другие вопросы я предлагаю обратиться к дневникам, литературным воспоминаниям и письмам его друзей, учеников и идейных оппонентов. Следуя логике самой эпохи, когда подчас невозможно было отличить, где заканчивалась повседневная жизнь и начиналось искусство, по законам которого жили не только художники, но и ученые, философы, – следуя внутренней логике «серебряного века», оставим на будущее аналитическую работу по различению интеллектуального и экзистенциального биографического слоя и станем придерживаться фактов, выстроенных в хронологическом порядке.

Первым таким фактом из биографии Фохта, нашедшем отражение в мемуаристике, мы обязаны самому Борису Александровичу: 21 мая 1941 года им были написаны воспоминания о А.Н.Скрябине. Знакомы они были с гимназических лет: «<...> мы оба, – пишет Фохт, – были еще юношами и учениками, я – классической гимназии, а он – кадетского корпуса в Москве. Мы встречались на катке Патриарших прудов как „недруги“, ибо оба мы (и еще один, теперь уже покойный, товарищ мой, А.А.С⁵.) были увлечены и влюблены в одну милую девочку, Н.С., впоследствии светскую даму Н.В.М⁶. Полный успех в этой „жизненной встрече“ был на стороне Александра Николаевича, так что нам с Сашей С. приходилось уже в этой „первой нашей любви“ страдать от ревности <...>»⁷. Затем в 1910 году по инициативе композитора состоялись «три разговора», в которых Скрябин изложил Фохту свою философскую концепцию⁸. Благодаря этим трем беседам «по основным метафизическим вопросам», а также широчайшей научной эрудиции и музыкальной одаренности самого Фохта до нас дошло уникальное свидетельство философского гения великого композитора, приоткрывающее тайные смыслы его творчества.

К концу 1890-х гг. относятся воспоминания Ивана Никаноровича Розанова (1874–1959), участника в эти годы литературного кружка, куда входили студенты различных факультетов Московского университета. Собrania проводились чаще всего на квартирах, и встречались здесь такие впоследствии известные литераторы и ученые,

как В.Я.Брюсов, Ю.И.Айхенвальд, В.А.Кильчевский, Е.Д.Жураковский, П.С.Коган, В.Ф.Саводник, В.М.Фриче, В.Д.Викторов, Б.А.Фохт. . . В записях И.Н.Розанова значится: «Суббота 15 февраля <1897 г.>. Вечером к Фохту. Реферат о Бальмонте. Разговор с Брюсовым. Мое знакомство с ним <...> Викторов, Айхенвальд, Фохт, Кильчевский и др. Айхенвальд о символизме. <...> Брюсов о символизме (споры его с Айхенвальдом, Кильчевским, Фохтом)»⁹. В то время Фохт был студентом 3-го курса (или года, как тогда говорили) отделения естественных наук физико-математического факультета Московского университета.

1899-м годом датирована дневниковая запись другого участника литературного кружка – Валерия Яковлевича Брюсова, – благодаря которому, собственно, эти встречи получили известность: «<...> В конце февраля читал в обществе Фохта свою статью о Баратынском. (Были Жураковский, г-жа Кильчевская и еще два-три)»¹⁰.

О том, что Фохт и Брюсов в 1897–1900-х гг. принадлежали к одному интеллектуальному кругу, в жарких горнах которого «выплавлялись» идеи символизма и художественные теории «серебряного века», говорят и другие записи поэта: «Март, 29 <1899 г.>. Ходил сегодня к университету. Там бродят студенты. Идет речь о том, чтобы бить тех, кто вздумает держать экзамены. По пути встретил Фохта. Он просит позволения перевести на немецкий язык мою книгу „О искусстве“¹¹. <...> Сентябрь, 21 <1899 г.>. <...> Был еще у Викторова. <...> Фохт перевел на немецкий язык мою книжку „О искусстве“, но своим переводом не доволен и поэтому не хочет издавать его»¹².

Ту же мысль об общем круге интересов и тесном общении Фохта и Брюсова подтверждают обнаруженные в брюсовском архиве письма Фохта, датированные следующим, 1900-м годом, когда Борис Александрович был студентом уже историко-филологического факультета¹³.

Студенческие годы были важным этапом в жизни юноши для формирования его мировоззрения и общественной позиции. Сам университет играл значительную роль в жизни российского общества. «Быть студентом Московского университета – это значило принадлежать к „ордену русской интеллигенции“»¹⁴.

О перипетиях студенческой жизни 1899–1903 гг. и участии в этих событиях Б.А.Фохта сохранилось воспоминание Ивана Михайловича Хе-

раскова, в то время студента того же историко-филологического факультета.

К 1901 г., по свидетельству Хераскова, «общественно-активное» студенчество разделилось на два течения – «политиков» и «академистов». Первое – радикальное – «ценило студенчество как передовой отряд в народной борьбе с самодержавием, а внутри университета видело в нем угнетенный (начальством и профессурой) класс <...> Второе ощущало себя органической частью академической корпорации, и в лучших профессорах видело союзников в борьбе за права и свободу университета, как против реакционной правительственной политики, так и против уличной демагогии». И Борис Фохт вместе с А.И.Анисимовым и Н.А.Гейнике возглавил в академическом движении «правых», или «централистов»¹⁵.

Академическое движение инспирировало и способствовало воплощению в жизнь проекта, сыгравшего в истории Московского университета заметную роль. По воспоминаниям Ольги Николаевны Трубецкой, идея организовать «Студенческое историко-филологическое общество» возникла 24 февраля 1902 года. Истинным инициатором и душой его стал князь С.Н. Трубецкой¹⁶. Фохт спустя несколько лет скажет: «<...> он [С.Н. Трубецкой] решился, <...> как он сам выразился, „спасти науку в Московском университете от полной гибели“, основать при нем на совершенно свободных товарищеских началах такое общество из профессоров и студентов, в котором научные знания могли бы развиваться свободно, без всякой правительственной регламентации и несогласных с достоинством науки стеснений и циркуляров»¹⁷.

Общество торжественно открылось 6 октября 1902 года и полноценно существовало в течение двух учебных семестров до отъезда за границу его председателя С.Н. Трубецкого осенью 1903 г.

Вся история, связанная с академизмом и его лидером С.Н. Трубецким, оказала на Фохта значительное влияние. Трубецкой стал для него идеалом ученого и педагога¹⁸. О занятиях С.Н. Трубецкого со студентами вспоминал и Николай Васильевич Давыдов (1848–1920): «При С<ергее> Н<иколаевиче> во все время его преподавательской деятельности в университете составлялся кружок более других интересующихся философией слушателей, его непосредственных учеников, с которыми он занимался раз или два в неделю у себя на дому. Из них помню Поливано-

ва¹⁹, Фохта, Кубицкого, Эрна и других»²¹. Замечу: все, кроме В.Ф. Эрна, стали известны в научных кругах своими неокантианскими взглядами. В 1909 г. Евгений Николаевич Трубецкой, ярый противник неокантианства²¹, в письме к М.К. Морозовой сетовал: «... очень больно смотреть, как ученики моего брата один за другим уходят в эту <неокантианскую> философию...»²². А Фохт уже в 1902 г. слыл «кантианцем»²³.

Углубившись в изучение философии, Фохт, однако, не порывал связей с символистами. Прежде всего, он как оппонент сталкивался с ними на заседаниях в историко-филологическом обществе. В ноябре 1902 года на одном из таких заседаний Борис Фохт громил реферат Бориса Бугаева (Андрея Белого) «О формах искусства»²⁴, о чем сохранилось свидетельство самого Андрея Белого. Это выступление, похоже, произвело на поэта большое впечатление: даже спустя три месяца Борис Николаевич со всей присущей ему эмоциональностью описывал в письме к Эмилию Карловичу Метнеру «забавную историю» со своим рефератом: «Тут вышла такая история. Я рассматривал формы *как таковые*, т.е. на первой стадии²⁵, иногда выкрикивая в виде риторических отступлений из области символизма (третьей стадии). Я обошел вторую стадию, т.е. *гносеологический аллегоризм* Канта. В некоторых мыслях при выкрикивании из области 3-ей стадии я упомянул о *нуменальном*, причем поставил этот термин в кавычках, ибо пользовался им условно; повторяю – центр реферата был на *первой стадии*. Я забыл при этом поставить всего две частицы: „как бы“ нуменальное и поставил просто „*нуменальное*“. Дурачки-Кантыята во главе с Фохтом уличили меня в незнании термина, употребленного Кантом!! А?! Тщетно я объяснял *тресмысленность* этого не существенного для целого места – они ничего не поняли и свели мой реферат ко второй, аллегорической, т.е. *гносеологической* стадии, рассматривая его именно только с этой, единственно им доступной, стадии. <...> (реферат с выбросом некоторых мест напечатан в № 2 „Мир искусства“) <...> Вот что происходит, когда мистик и декадент вступает в сношения со студентами!!»²⁶.

О близости Фохта кругу символистов в начале 1900-х есть еще одно упоминание: летом 1903 г. Б.А.Фохт был частым гостем на даче в Разумовском у Нины Ивановны Петровской (1884–1928), «покорительницей» поэтов всех возрастов (и, прежде всего, Андрея Белого и Валерия

Брюсова), которая в своих мемуарах характеризует Фохта как «чуждого всякому декадентству старинного друга»²⁷.

Следующему периоду жизни Б.А.Фохта посвящено множество страниц в мемуарах и переписке Андрея Белого. Дело в том, что в сентябре 1904 г., «имея намерение специализироваться в философии»²⁸, поэт поступил на историко-филологический факультет Московского университета (который Фохт закончил в мае того же года²⁹). «Руководителем выбрал: Б.Фохта»³⁰. Учеба у Фохта и общение с ним оказали значительное влияние и на мировоззрение Белого в целом, и на формирование его теории символизма³¹.

С 1905 г. открыл «новую эру „высококультурного“ будущего»³² и салон Маргариты Кирилловны Морозовой. Она собирала на своих вечерах «несоединимые, вне ее дома не встречавшиеся элементы»³³: здесь бывали А.Н. Скрябин, Л.М. Лопатин, С.Н. Трубецкой, В.М. Хвостов, Д.С. Мережковский, А. Белый, А.В. Кубицкий, Б.А. Фохт с супругой – пианисткой Р.М. Фохт-Сударской³⁴. . . По свидетельству Белого, с Морозовой, известной в Москве меценаткой, Фохта связывала также надежда на издание неокантианского журнала (или, может быть, серии «Kantiana», два выпуска которой все-таки состоялись³⁵). Но «благоволение ее к Канту, кажется, ограничилось рефератом Фохта под заглавием „Кант“». Старик Лопатин победил в тот период всех философов другого толка»³⁶. Позднее Морозова стала, как известно, учредительницей издательства «Путь» и Московского религиозно-философского общества. Тем не менее, салон Морозовой, который просуществовал с 1905-го по 1912 год сыграл «видную роль в том смещении недавних границ между замкнутыми недавно кружками; дружба Морозовой со мною <с А.Белым>, с Метнером, с князем Е.Н.Трубецким, с В.М.Хвостовым, Рачинским, Лопатиным, с представителями неокантианства Кубицким и Фохтом, чуткость ее, восприимчивость и умение сглаживать острые углы меж кружками – естественно создали из Морозовой незабываемую фигуру, которая оставила след в истории умственной культуры Москвы»³⁷.

Философ предстает у Белого и постоянным участником салонов Клеопатры Петровны Христофоровой, где «он за ужином, выпивая вино, открыл фейерверки афоризмов. . . в стиле Ницше (??)»³⁸.

Кроме интеллектуальных «фейерверков» подобные собрания славились и бурлящей «дионисийской» жизнью. Об этом упоминает Бе-

лый в письме к Иванову-Разумнику от 21.02.1927 г.: «... предлагал мне заливать „черствость“ <кантианизирующего сознания> вином некогда московский „лапă“ неокантианцев, Б.А.Фохт, воскликнув однажды: „Мы днем бываем кантианцы, а ночью – дионисианцы“. На эту платформу приглашал он некогда встать ненавидимого им „символиста“, меня, обещающая за „дионисизм“ свою дружбу и намекая, что на этом пути я обрету Канта. . .»³⁹ В другом письме, написанном, что называется, по горячим следам, в марте 1905 г., (к Э.К.Метнеру) Белый дословно приводит это же изречение Фохта, но добавляет к нему важную для характеристики политических взглядов философа подробность: «В настоящую минуту один из „толпов“, увлеченный революцией, бросил философию, с грустью проповедуя „бомбных дел мастерство“ так как недавно проповедовал трансцендентальную философию. Недавно он заявил мне за одним ужином, что он „в теории трансценденталист и то до ужина, а на практике и в особенности после ужина дионисианец и философ мгновений“»⁴⁰.

Андрей Белый несколько проясняет ситуацию в отношении несостоявшейся университетской карьеры Б.А.Фохта: «Гонимый Лопатиным, перегрызал он лопатинцам и религиозным философам горло: великолепнейший умница и педагог, несправедливо оттесненный от кафедры, кафедрой сделал свой дом, обучая здесь методологии нас <...>»⁴¹. Федор Августович Степун, который вернулся из заграничной научной командировки двумя годами позже Фохта (в 1910 г.), нашел, что отношение к неокантианству и вообще к современной философской мысли на факультете не переменилось: «Несмотря на то, что его <Лопатина> представление о неокантианских течениях в немецкой философии было весьма приблизительным, его отрицание этих течений было весьма определенным. <...> После ряда дальнейших встреч с ним и его коллегами по факультету, Г.И.Челпановым, юристом В.М.Хвостовым и другими „стариками“, я невольно стал задумываться над мыслью, что в России, быть может, правильнее заниматься философией вне университетских стен»⁴².

Но, наверное, специфика «серебряного века» в том, в частности, и состояла, что не место в общественной иерархии, а талант и продуктивная новизна мысли определяли интеллектуальную перспективу.

В январе 1907 г. Гавриил Осипович Гордон (1885–1942) писал Борису Александровичу из Марбурга: «... Я с нетерпением жду свидания с

Вами и возможности принять более активное участие в наших общих делах по проведению в русскую жизнь тех начал, которые все мы (разумею Вас, Гартмана, Сеземана с их петербургскими друзьями и себя) считаем за наиболее ценные и животворные. В наших подчас долгих разговорах с Гартманом о будущности кантианства и когенианства в России, на пользу и процветание которых мы оба (он, конечно, в большем масштабе) собираемся работать, мы всегда при оценке и разборе сил рассматриваем Вас как лидера и пионера той маленькой кучки людей, которая рассеяна теперь в Москве (Вы), в Петербурге (Сеземан, Вейдеман и другие) и Марбурге (мы и вы), и от успехов Вашей московской работы ожидаем многого. Тем более я, так как знаю Вас ведь гораздо ближе, нежели Гартман; поэтому я особенно и стремлюсь помочь Вам в той или иной степени и по мере моих сил в Вашей, что всякому из нас ясно, чересчур тяжелой работе <...>⁴³. Так к Фохту пришло признание – хотя бы в узком кругу российских неокантианцев-марбургцев.

Преподавательскую деятельность Борис Александрович начал сразу после окончания Московского университета в 1904 г. и сразу прославился как замечательный педагог. По материалам, сохранившимся в архиве Анны Аркадьевны Гаревой (1918–2002), ученицы в 1940-х гг. и душеприказчицы философа, известно, что с некоторыми перерывами на заграничные командировки он состоял преподавателем философии на Московских высших женских курсах, курсах Тихомирова и Московского Общества народных университетов и преподавателем философской пропедевтики в московских гимназиях. Параллельно вел курс по философии Канта и Когена у себя на дому⁴⁴. Интенсивная педагогическая работа принесла свои плоды: у Фохта появился круг учеников, увлеченных идеями марбургского неокантианства, о чем можно заключить из письма Гордона Фохту от 28.01.1907 г.: «Я рассказал ему <Наторпу>, что Вы едете летом сюда и везете с собой целую банду учеников и учениц. Он крайне обрадовался, потирал себе руки и все говорил: ах, ах, шён, шён...»⁴⁵

В письмах и воспоминаниях современников Фохт предстает неизменным участником самых разных философских кружков и обществ, где славился как внимательный собеседник, ученый содокладчик или язвительный оппонент. Так, в письме к Э.К.Метнеру от 1-2 октября 1910 г. Б.Н.Бугаев сообщает: «Предполагается беседа в „Muscagete“ о Логосе:

будут Гессен, Гордон, Фохт, Кубицкий, Рубинштейн (партия „*Logosca*“), Эрн, Шпетт, Булгаков (противники); будет Гершензон (он настаивает на *беседе*), Лурье; будут позваны Лопатин, Трубецкой, Новгородцев, Воден и др. философы»⁴⁶. О другом заседании с участием Бориса Александровича пишет М.К.Морозова в письме к Е.Н.Трубецкому от 26.01.1911 г.: «Собрание <„Пути“> с Гессеном было интересно, была борьба „меонизма“ с идеализмом (не знаю как назвать). Причем за отсутствием профессоров (было экстренное заседание совета) разверзлись уста Огнева, Шпета, Степуна, Фохта. Они разболтались и разострились – но не к своей выгоде...»⁴⁷ Вспоминая, видимо, о частных полемических выступлениях Фохта Е.Н.Трубецкой, в свою очередь, замечает в письме к М.К.Морозовой от 25.12.1911 г.: «Читая статью Булгакова, „О природе науки“, я убедился, что свои опаснее чужих. Ни Гессен, ни Яковенко, ни Фохт никогда мистики не скомпрометируют и не смешают ее со всяким сором, потому что вовсе ею не интересуются <...>»⁴⁸.

Это последнее упоминание имени Фохта, которое относится к до-революционному – и довоенному – периоду его биографии, то есть к тому короткому периоду в истории русской культуры, что получил название «серебряного века»⁴⁹.

Изучение мемуарной литературы и эпистолярного наследия показывает плодотворность выбора из числа русских неокантианцев фигуры Б.А.Фохта в качестве некоторого центра коммуникативного притяжения: в непосредственном общении с этим философом происходило оформление собственных концепций таких замечательных деятелей русской культуры, как В.Я.Брюсов, Андрей Белый и А.Н.Скрябин, а также многих более или менее значимых российских мыслителей.

Можно, таким образом, с уверенностью говорить о закономерной включенности русского неокантианца в коммуникативное пространство и глубокой укорененности идей марбургского неокантианства в интеллектуальном ландшафте российской культуры. Дальнейший контекстуальный анализ связей не только научного, но и личного характера, соединяющих это идейное направление с другими интеллектуальными течениями начала XX века, – анализ, возможный лишь с привлечением самого широкого круга источников – не только философского, но и историко-культурного содержания (мемуаров, писем, архивных материалов), позволит точнее проследить пути взаимовлияния различных философских

учений друг на друга, прояснить смысл тех или иных понятий и мыслительных ходов в учениях русских неокантианцев, равно как и объяснить генезис целого ряда явлений в русской культуре первой половины XX века. В то же время до сих пор неисследованным остается вопрос о вероятном «обратном» влиянии русского символизма на неокантианство и – шире – на всю западноевропейскую мысль этой эпохи. Это – «белое пятно» в интеллектуальной истории России и Европы и одновременно вызов сразу нескольким поколениям ученых, работающих в области истории идей.

---

*Работа выполнена при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ). Проект № 030300125а.

¹Яковенко Б.В. О современном состоянии немецкой философии // Логос. Международный ежегодник по философии культуры. 1910. Кн. 1. С. 258.

²См.: Яковенко Б.В. *Мощь философии* / Сост., перев., вступ. ст., комм. А.А.Ермичева. СПб.: Наука, 2000. – 975 с. – (Сер. «Слово о сущем»); Фохт Б.А. *Избранное (из философского наследия)* / Публ., предисл. и комм. Н.А.Дмитриевой. М.: Прогресс-Традиция, 2003. – 456 с.; Каган М.И. *О ходе истории* / Ред.-сост. В.Л.Махлин. М.: Языки славянской культуры, 2004. – 704 с.

³Прежде всего, см.: Фохт Б.А. *Избранное (из философского наследия)*...; Фохт Б.А. П. Наторп, 17 сентября 1924 г. Публ. и вступ. ст. А.Г.Вашестова // Историко-философский ежегодник '91. М.: Наука, 1991. С. 232–270; Фохт Б.А. О философском значении лирики Пушкина. Пред. к публ. А.А.Гаревой // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 105–144; Гарева А.А. Фигнер философской Москвы. Борис Александрович Фохт (1875–1946) // Судьбы творцов российской науки. – М., 2002. С. 279–287, и др.

⁴Дмитриева Н.А. Борис Александрович Фохт: к истории русского неокантианства. Монография. – М.: “Прометей”, 1999; она же. Б.А.Фохт: триумф нетипичности // Философский век. Альманах. Вып. 10. Философия как судьба: Российский философ как социокультурный тип. – СПб., 1999. С. 84–94; она же. Пушкин глазами неокантианца // А.С.Пушкин и мировая культура. К 200-летию со дня рождения А.С.Пушкина. Материалы международной конференции. Москва, 12 апреля 1999 г. – М., 2000. С. 87–91.

⁵Это имя в публикации не расшифровано. Вероятно, речь идет об Александре Александровиче Сабурове (1874–1934), юристе.

⁶Наталья Валерьяновна Секерина (1877–1962), в первом браке Маркова, во втором Гурлянд, в третьем Усачева, пианистка-любительница.

⁷Фохт Б.А. Философия музыки А.Н.Скрябина // А.Н. Скрябин. Человек. Художник. Мыслитель. – М.: Гос. мемориальный музей А.Н. Скрябина, 1994. С. 201–202.

⁸Там же. С. 202–226.

⁹Розанов И.Н. <Встречи с Брюсовым>. Предисл. и публ. Е.А. Кречетовой // Литературное наследство. Т. 85. Валерий Брюсов. – М.: Наука, 1976. С. 763.

¹⁰Брюсов В. Дневники. 1891–1910. Пригот. к печати И.М.Брюсова, примеч. Н.С.Ашукина. – М.: Изд-е М. и С. Сабашниковых, 1927. С. 61.

¹¹Там же. С. 68.

¹²Там же. С. 76.

¹³ОР РГБ. Ф. 386. Карт. № 106. Ед. хр. 42. Л. 1, 2.

¹⁴Алексеев Н.Н. В бурные годы. Воспоминания. Часть 1. (Машинопись, ИНИОН РАН). Л. 57.

¹⁵Херасков И.М. Из истории студенческого движения в Московском университете. (Воспоминания участника. 1897–1903) // Московский университет 1755–1930. Юбилейный сборник. – Париж: «Современные записки», 1930. С. 431–449.

¹⁶Подробнее: Трубецкая О.Н. Князь С.Н. Трубецкой. Воспоминания сестры. – Нью-Йорк: Изд-во им. Чехова, 1953. С. 48–60, 66–78, 213–214.

¹⁷Фохт Б.А. Памяти князя С.Н. Трубецкого. Речь, произнесенная в заседании Моск. психол. о-ва 7 октября 1905 г. // Вопросы философии и психологии. 1906. № 81 (1). С. 135.

¹⁸Там же. С.130–139.

¹⁹Имеется в виду Михаил Павлович Поливанов, студент юридического факультета.

²⁰Давыдов Н.В. Из прошлого. Князь С.Н. Трубецкой // Голос минувшего. 1917. № 1. С. 17.

²¹См. особенно: Трубецкой Е.Н. Панметодизм в этике. (К характеристике учения Когена) // Вопросы философии и психологии. 1909, кн. 97 (2). С. 121–165; он же. Метафизические предположения познания. Опыт преодоления Канта и кантианства. – М., 1917.

²²Взыскующие града. Хроника частной жизни русских религиозных философов в письмах и дневниках С.А.Аскольдова, Н.А.Бердяева, С.Н.Булгакова, Е.Н.Трубецкого, В.Ф.Эрна и др. / Сост., подгот. текста, вступ. ст. и комм. В.И.Кейдана. – М.: Языки русской культуры, 1997. С. 205.

²³Белый А. Начало века. Воспоминания. В 3-х кн. Кн. 2. – М.: Художественная литература, 1990. С. 39.

²⁴ Андрей Белый и Александр Блок. Переписка. 1903–1919. Публ., предисл. и комм. А.В.Лаврова. – М., 2001. С. 17, 28–29 комм.

²⁵ Теософия, согласно теории Андрея Белого, имеет 4 стадии: “1) как таковая, 2) как аллегория, 3) как символ, 4) как воплощение, т.е. опять-таки как таковое, но иного, истинной реальности”. (ОР РГБ. Ф. 167. Карт. № 1. Ед. хр. № 9. Л. 1. Письмо Б.Н.Бугаева к Э.К.Метнеру 14.02.1903.)

²⁶ Там же. Л. 2 об.

²⁷ Жизнь и смерть Нины Петровской. Публ. Э.Гарэтто // Минувшее. Исторический альманах. 8. – М., 1992. С. 36.

²⁸ Белый А. Символизм как миропонимание. – М.: Республика, 1994. С. 438.

²⁹ ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 76. Ед. хр. 711. Л. 20.

³⁰ Белый А. Начало века. С. 363.

³¹ См. об этом мою статью «Две эпохи российского неокантианства» (Вестник РГНФ. 2002. № 4. С. 81–91).

³² Белый А. С. 506.

³³ Там же. С. 505.

³⁴ Раиса Марковна Меерсон (по первому браку Сударская) (20.12.1869–?) вышла замуж за Б.А.Фохта осенью 1901 г. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 313. Ед. хр. 754. Лл. 13–18.) Из-за связи с эсерами (Белый А. Начало века. С. 504.) вынуждена была эмигрировать осенью 1907 г. (ЦИАМ. Ф. 418. Оп. 82. Ед. хр. 423. Л. 40.) С ней уехал и маленький сын, видимо, от первого брака, Всеволод Фохт (1895–1941).

³⁵ См.: Штанге К. Ход мыслей в „Критике чистого разума“: Руководство для чтения. Пер. с нем. Б.А.Фохта и А.И.Бердникова. – М., 1906. – (Kantiana. Сер. руководств к изуч. философии Канта; Вып. 1); Шульц И. Разъясняющее изложение „Критики чистого разума“: Руководство для чтения. Пер. со 2-го нем. изд. 1897 г. (под ред. и с пред. Б.А.Фохта). – М., 1910. – (Kantiana. Сер. руководств к изуч. философии Канта; Вып. 2).

³⁶ Белый А. Начало века. С. 505–506.

³⁷ Белый А. Собрание сочинений. Воспоминания о Блоке. С. 314.

³⁸ Белый А. Начало века. С. 384–385.

³⁹ Андрей Белый и Иванов-Разумник. Переписка. – СПб., 1998. С. 463.

⁴⁰ ОР РГБ. Ф. 167. Карт. № 1. Ед. хр. 43. Лл. 1–1об. Сохранена авторская пунктуация.

⁴¹ Белый А. Начало века. С. 384.

⁴² Степун Ф.А. Бывшее и несбывшееся. – СПб.: Алетей, 2000. С. 151.

⁴³ Из письма Г.О.Гордона Б.А.Фохту. Марбург – Москва, 12 января 1907 г. Личный архив А.А.Гаревой.

⁴⁴Гарева А.А. Предисловие к публикации // Вопросы философии. 1997. № 11. С. 106.

⁴⁵Личный архив А.А.Гаревой.

⁴⁶ОР РГБ. Ф. 167. Карт. № 2. Ед. хр. 18. Л. 6.

⁴⁷Взыскующие града. С. 327.

⁴⁸Там же. С. 429.

⁴⁹Об истории названия и периодизации «серебряного века» см.: Ронен О. Серебряный век как умысел и вымысел. Пер. с англ., 2-е изд-е, испр. – М.: ОГИ, 2000. – 152 с. (= Материалы и исследования по истории русской культуры. Вып. 4).